

⁵ Авторы сердечно благодарят Н. Г. Голант за информацию.

⁶ См. карту, из которой следует, что в центральной части южнославянского этнокультурного пространства приносится в жертву овца или баран, тогда как на периферии — домашняя птица [11. С. 599].

⁷ См., в частности, обобщающую работу П. Влаховича о народной духовной культуре в бывшей Югославии [17. С. 57–58].

⁸ В уже упоминавшемся с. Брница.

⁹ П. Дурлич включает в этот ареал также и Краину [4. С. 127], что соответствует широкому ареалу «райской свечи» в настоящее время.

¹⁰ Ср. аналогичные выводы в работе П. Дурлича [4. С. 126–127].

¹¹ По воспоминаниям из детства соседницы из с. Чешлева Бара (Браничево) [4. С. 125].

Литература

1. Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца, 2013.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Гура А. В., Узенёва Е. С. Петух // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 28–35.
4. Дурлич П. Рајска свећа у култу мртвих код Влаха у источној Србији // Развитак. 2002. Бр. 209–210. С. 124–143.
5. Јанковић С. «Помана алба» — «бела даћа» // Развитак. 1971. Год. 12. Бр. 2. С. 91–96.

6. Мачај С. Обичаји Румуна // Развитак. 1966. Год. 6. Бр. 2. С. 58–69.

7. Милошевић А., Цермановић А. Петао у хтонском култу код античких Грка и у српском народу // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1954. Књ. XVII. С. 106–113.

8. Плотникова А. А. Амбивалентность оценки в традиционной народной культуре (на материале словаря «Славянские древности») // Славянский альманах: 2010. М., 2011. С. 252–260.

9. Плотникова А. А. Полевая этнолингвистическая работа в Тимокском крае и Порече (Сербия) // ЖС. 2024. № 3. С. 2–5.

10. Плотникова А. А. Представления о том свете в контактных с влахами зонах восточной Сербии // Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении / отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2025. С. 277–294.

11. Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

12. Толстая С. М. Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры / сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой / ред.-сост. В. Д. Кен. СПб., 1998. С. 72–77.

13. Чиварзина А. И. Вино-жито: от цвета к слову / отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2025.

14. Gacović S. În vârtejul veșniciei = U vrtlogu večnosti. [Т.] II. Povestiri mitologice și ritualuri în cultul Vieții de apoi la românii din Serbia de Est = Mitološke priče i

rituali u kultu zagrobnog života kod Rumuna u istočnoj Srbiji. Zrenjanin, 2023.

15. Gacović S. Petrecătura (pesma za ispraćaj pokojnika) u Vlahu Ungurjana. Zaječar, 2000.

16. Paunjelović F. Tradicionalna kultura Vlahu Crnorečja. Boljevac, 2018.

17. Vlahović P. Običaji, verovanja i praznovjerice naroda Jugoslavije. Beograd, 1972.

Список информантов

ВС — Вера Стокич, 1948 г.р., род. в с. Кривача, вышла замуж в с. Двориште (община Голубац); зап. А. А. Плотниковой, С. Гацовича.

ДД — Джорджица Друйкович, 1948 г.р., с. Шипиково (община Заечар); зап. Н. Г. Голант.

ЛЛ — Лепосава Лазаревич, 1956 г.р., род. в с. Житковица, вышла замуж в с. Кудреш (община Голубац); зап. А. А. Плотниковой, С. Гацовича.

МН — Миланка Николич, 1958 г.р., с. Кудреш (община Голубац); зап. А. А. Плотниковой, С. Гацовича.

Исследование А. А. Плотниковой осуществлено при финансовой поддержке РФФ № 22-18-00484-П «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2025 г.

См. иллюстрацию 1 на 3-й странице обложки.

Ксения Анатольевна Климова,

кандидат филологических наук,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Инна Олеговна Никитина,

кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН (Москва)

ГОРСКИЕ ГРЕКИ: ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена описанию современного состояния похоронно-поминальной обрядности черкесских, или горских, греков, немногочисленные представители которых происходят из аула Бжедугхабль Красногвардейского района Республики Адыгея. Черкесские греки, говорившие на адыгском языке, впоследствии полностью перешли на русский. Обрядовая культура (свадьба, похороны, календарные обычаи) имеет преимущественно адыгские черты, в сфере похоронной обрядности выявляются уникальные синкретические практики, такие как способ погребения с укладыванием досок в могилу, сочетающий православные и мусульманские элементы. На основе полевых материалов, собранных в ходе этнолингвистической экспедиции 2025 г., в статье рассматривается трансформация этнической идентичности и механизмы культурной адаптации данной субэтнической группы.

Ключевые слова: горские греки, черкесские греки, греки России, Адыгея, Бжедугхабль, греческая традиционная культура, похоронно-поминальный обряд, этническая идентичность

Изучение похоронно-поминальной обрядности занимает важное место в современных этнолингвистических и антрополо-

гических исследованиях, поскольку ритуалы, связанные со смертью, являются одним из наиболее консервативных элементов традиционной

культуры, сохраняющим архаичные черты даже в условиях интенсивных межэтнических контактов. Настоящее исследование фокусируется на уникальной субэтнической группе — черкесских, или горских, греках Адыгеи, чья обрядовая культура до сих пор оставалась на периферии научного интереса. Полевые исследования¹, проведенные в ауле Бжедугхабль (адыг. Бжъэдыгъухъабль) Красногвардейского района Республики Адыгея в июле 2025 г., позволили зафиксировать современное состояние похоронно-поминальной обрядности горских греков.

ГОРСКИЕ ГРЕКИ

Ядро изучаемой субэтнической группы, согласно исследованиям И. В. Кузнецова и В. И. Колесова², составляют пять семейных кланов, проживавших в ауле Бжедугхабль: Аслановы, Демтировы, Девтеровы, Костановы, Хазаровы, а также Серафимовы, живущие в Майкопе [5. С. 108]. На момент проведения учеными полевых изысканий общая численность черкесских греков составляла около 70 человек. Наши собственные наблюдения в ходе экспедиции 2025 г. подтвердили эти

Экспедиционная группа с Э. Каминским. 2025 г. Фото В. И. Колесова

данные, поскольку все перечисленные фамилии были зафиксированы на надгробных памятниках местного христианского кладбища, однако пообщаться напрямую нам удалось лишь с представителями фамилий Девтеровых и Демтировых.

Наше первое знакомство с черкесскими греками состоялось в 2024 г. в ходе этнолингвистической экспедиции в греческое село Мерчанское в Крымском районе Краснодарского края. Именно там, в ходе интервью с местными жителями-понтийцами, мы узнали о существовании так называемого черкесского квартала, куда еще в дореволюционный период, по данным Кузнецова и Колесова, переселились несколько семей из Бжедугхабля [5. С. 109]. Исследователи называют эти семьи «полностью эллинизированными» [Там же], что подразумевает их переход на понтийский диалект греческого языка и интеграцию в социальную и культурную жизнь местной греческой общины. Тем не менее устойчивое прозвище «черкесы», сохранившееся за ними по сей день, свидетельствует о том, что память об ином — адыгском — культурно-территориальном происхождении этой ветви греков продолжает сохраняться в сознании сообщества, выступая маркером внутренней дифференциации в условиях внешней ассимиляции.

Проблема генезиса этнической группы черкесских греков в современной науке остается дискуссионной. Первая версия возводит их к потомкам исторического греческого (православного) населения Черноморского побережья Кавказа, вторая, пользующаяся большей поддержкой

в академической среде, рассматривает черкесских греков как потомков адыгов-христиан, не принявших ислам и идентифицирующих себя как «греки» (тур. *rum*), то есть православные христиане [5. С. 122]. Показательно, что современные представители этнической группы демонстрируют низкий уровень рефлексии относительно своего происхождения.

Исторический ареал формирования группы — территория Закубанья — на протяжении столетий составлял этнокультурное ядро адыгского мира. В XVIII — первой половине XIX в. местные черкесские (адыгские) племена, сохраняя фактическую автономию и сложную социально-политическую организацию, номинально находились в сфере влияния Османской империи [4. С. 85].

Демографическая история аула Бжедугхабль наглядно демонстрирует процессы ассимиляции. Данные переписи 1926 г. зафиксировали в ауле 661 жителя, причем греки составляли большинство — 286 человек (43,3%), значительными были также доли армян (116 человек, 17,5%) и черкесов (103 человека, 15,6%), а в 2001 г. из 909 жителей аула греков насчитывалось лишь 16 человек (1,8%), в то время как большинство сформировали русские — 457 человек (50,3%) и курды — 256 человек (28,2%) [2. С. 26]. Важно отметить, что категория «армяне» в переписи 1926 г. включала адыгоязычных армян-черкесогаев, чья история культурно-языковой адаптации во многом схожа с судьбой черкесских греков [5. С. 109]. Наши собственные полевые наблюдения подтверждают, что к 2025 г. процесс

дисперсного расселения группы окончательно завершился: в самом ауле проживает лишь несколько представителей старшего поколения, в то время как основная масса их потомков переместилась в крупные городские центры, такие как Майкоп и Краснодар.

Аул был основан в 1871 г. выходцами из бжедугских³ селений Габукай, Понежуквай и пр., что объясняет и значение самого топонима Бжедугхабль, то есть «Бжедугский аул» [2. С. 16–18]. Основание этого поселения можно рассматривать как ключевой этап в консолидации группы адыгоязычающих греков, которые создали здесь компактную среду с доминированием христианского уклада жизни. По данным наших интервью, бжедугхабльские греки в недавнем прошлом были полностью адыгоязычны, причем фольклорные тексты также были адыгскими. На момент полевого исследования в 2025 г. никто из информантов не сохранил активного владения адыгским — все интервью проводились на русском языке. В советское время предпринимались попытки искусственной ревитализации греческого языка (его стандартизированной формы, а не понтийского диалекта, на котором говорили греки, проживающие на Северном Кавказе), для чего в аул был направлен преподаватель Константин Петрактистис, который не только вел занятия по языку, но и ознакомил местное сообщество с греческими песнями и обычаями [5. С. 110]. Однако, как свидетельствуют информанты, эти усилия не увенчались успехом.

Ключевым маркером этнической самоидентификации черкесских греков выступает принадлежность к православному христианству — их основное отличие от окружающего адыгского населения. Эта религиозная составляющая сохранялась в условиях отсутствия в Бжедугхабле православного храма, что подчеркивается в рассказах информантов.

Я не помню никакой церкви в ауле Бжедугхабль, <...> я не помню, что была церковь. А буквально до Великовечного три-четыре километра, конечно, туда и ходили. Там была хорошая церковь, она и есть там, мощная церковь [АВД].

Некоторые информанты вспоминают, что в ауле была не церковь, а армянская часовня Петра и Павла, в которую ходили и греки. Кузнецов и Колесов сообщают о том, что в ауле была армяно-григорианская церковь, построенная на средства богатого жителя аула — армянина [5. С. 113]. В советские годы церковь была разрушена.

Размышляя о соотношении адыгского и греческого элементов в своей культуре, собеседники отмечают, что их предки «переняли» множество адыгских обычаев, в том числе и в сфере семейной обрядности. Рассказывали, что предпочтительны были эндогамные браки, но возможны были и союзы греков с армянками-черкесогайками, допустимы — с черкешенками (с последующим принятием ими христианства) и наименее желательны — с русскими. Такая модель способствовала, с одной стороны, сохранению конфессиональной однородности, но одновременно поддерживала и культурно-языковую близость к адыгскому миру. Практика межэтнических браков с адыгами находит материальное подтверждение в парных захоронениях представителей двух этнических групп на местных кладбищах.

КЛАДБИЩА

В ауле Бжедугхабль два кладбища, различаемые по религиозному признаку: христианское и мусульманское. Данное разделение отражает базовый принцип организации сообщества: в христианском некрополе погребены преимущественно греки, армяне и русские, тогда как мусульманский предназначен для адыгов. Однако эти на первый взгляд строгие границы оказываются проницаемы на практике. Нами зафиксированы захоронения с греческими фамилиями (Девтеровы, Костановы) на территории мусульманского кладбища. Как пояснили информанты, такая практика допускается в случаях межэтнических браков, когда супруги изъявляют волю быть погребенными рядом, что демонстрирует приоритет семейных уз над строгими конфессиональными границами. В рассказе информанта акцентируется именно конфессиональный, а не этнический маркер принадлежности.

У нас, кстати, было адыгейское кладбище прямо недалеко, около дамбы. Столбики, вот эти деревянные столбики выглядывали. Вот могила так, и так — столбик. Я помню, мы там бегали. Потом его [кладбище] перенесли в другое место. Сейчас оно более благоустроено. Вот. Там мы хоронили чистых адыгов. А греки хоронили вот на нашем кладбище, где вы были. И им ставили крест. Однозначно, они были христианами. Крест, крестик, могилка. Ну, как могли, так и ухаживали [АВД].

Христианское кладбище Бжедугхабля делится на несколько «секторов»: сразу у входа и по центру располагаются греческие захоронения, в левой от входа части кладби-

Захоронение горского грека (справа) на мусульманском кладбище аула Бжедугхабль. 2025 г. Фото И. О. Никитиной

ща — армянские и в правой дальней части — русские.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальный обряд бжедугхабльских греков в своей основе сохраняет православную структуру, характерную для русских, проживающих в этом регионе. Ритуал включает подготовку тела, ночное бдение в доме покойного (в течение двух ночей, с обязательным присутствием родственников и друзей, чтобы не оставлять покойного одного), отпевание (для которого приглашался священник из соседнего села Великовечное) и поминальный цикл (день погребения, 9-й день, 40-й и годовщина). Одновременно выявляются значимые расхождения с понтийской греческой традицией. В отличие от последней, где шутки и сплетни, которыми участники обмениваются во время бдения, не запрещаются, так как выполняют психотерапевтическую функцию [3. С. 26], у горских греков подобное поведение в рамках ритуала строго табуировано. Информанты подчеркивали недопустимость юмора и отвлеченных разговоров, что указывает на иную культурную модель переживания траура. Еще одна отличительная черта — отсутствие плакальщиц. Поминальная трапеза сочетает разные элементы: подаются стандартные для региона поминальные блюда (борщ, картошка с мясом, пирожки), а из алкоголя — красное вино, без запретов на свинину и сладкое, которые могут встречаться у греков-понтийцев. Знаковым является приготовление кутьи на основе

риса с изюмом и сахаром, что сближает практику горских греков с русской традицией, тогда как понтийцы используют для этого блюда пшеницу.

ПОГРЕБЕНИЕ

Интересно, что тип погребения у горских греков заимствовал элементы из соседней адыгской культуры. Так, наши собеседники рассказали об особом способе погребения, когда сверху гроба в могилу укладывались доски.

Они настолько были пропитаны адыгейской культурой, все наши. Когда я отца хоронил, грека... Мы хоронили его... У отца стоит памятник, как у православных. Но в то же время мы сохраняли традицию адыгского захоронения. Доски. Вот эти доски мы ставили. <...> По диагонали ставили. У адыгов же так хоронят, потому что они не в гробу, а в саване... [АВД].

С утверждением ислама среди адыгов стало доминировать захоронение в саване без гроба [1. С. 451]. Для различных локальных групп адыгов характерно захоронение в подбойных могилах, когда в южной стороне ямы выкапывают нишу, где и размещают тело умершего (в саване) на правом боку (чтобы его лицо было обращено к Мекке) [6. С. 151]. Такой тип погребения характерен для ислама, где ниша носит название *ляхд*. Нишу обыкновенно перекрывают кирпичом или досками, как и в приведенной выше цитате информанта, и только потом засыпают могилу землей. Не-

смотря на то что греков хоронили в гробу, доски в могилу все равно укладывали. Вероятно, доски могли размещаться и по диагонали, как бы копируя мусульманские могилы. В последних, правда, диагональное положение доски имеет прагматическое значение: поставленная таким образом доска закрывает нишу.

Информант (русский, женатый на гречанке) из аула Бжедугхабль рассказал еще об одной версии такого захоронения: в отличие от адыгских, в греческих могилах нишу не делали: гроб размещали в яме, но сверху накрывали его досками, перед тем как засыпать землей. Свое описание наш собеседник сопроводил рисунком, где отчетливо видно различие между адыгским и греческим захоронениями: в последнем доска укладывалась горизонтально.

В общем, выкапывается яма под гроб, а под доски — чуть-чуть шире, и на них вот ступенька, и ложатся дубовые доски. Потом землей закрывают. И всё. [И гроб кладут на эти доски?] Нет, под низ, а доски сверху. Ну вот, вот так — а здесь как полочки, чуть шире. А у черкесов вот так — у них делается подкоп вот туда... (...) У адыгейцев, значит, просто ровно выкапывается. Вот сюда внизу подкоп, сюда ложится тело. И вот так вот доски наискось ставятся. [У адыгейцев саван?] Да, да. [А греков в гробу хоронили?] Да [РД].

Большой интерес представляет традиция захоронения в склепах, о которой рассказывали наши информанты. На христианском кладбище находятся два захоронения такого рода, которые сейчас практически невозможно опознать. Они расположены под насыпными холмами, один из которых нам удалось обнаружить, однако мы не смогли получить информацию о том, кто и когда был там похоронен.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что похоронно-поминальная обрядность горских греков аула Бжедугхабль представляет собой уникальный комплекс, сформировавшийся в условиях культурного симбиоза двух культур. Ядро обрядности сохраняет православную основу (трехдневный цикл, отпевание, крест на могиле), однако она оказалась трансформирована за счет включения элементов адыгской (мусульманской) погребальной практики, наиболее ярким примером которой выступает захоронение с укладыванием досок в могилу. Эта обрядность служит маркером гибридной идентичности черкесских греков. Сохранение многих элементов мусульманской культуры соседей-адыгов («из уважения», как отмечали информанты) сочетается с твердым осознанием своей принадлежности к православному христианскому миру. Таким образом, похоронный обряд становится сферой, где воспроизводится эта двойственная идентичность.

В контексте фундаментальных исследований межэтнических пограничий материал, касающийся горских греков, демонстрирует, что подобные контактные зоны являются не просто периферией больших культурных ареалов, а самобытным сообществом, где формируются уникальные, устойчивые культурные модели, заслуживающие самого пристального этнолингвистического и антропологического изучения.

Примечания

¹ Это была тринадцатая экспедиция в ряду полевых исследований, посвященных изучению традиционной культуры греков на территории России (а также Армении, Грузии и Казахстана).

Работа велась по этнолингвистической программе Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ), составленной А. А. Плотниковой [7], а также по специальным тематическим вопросам, разработанным для исследований греческой культуры в России.

² Благодарим В. И. Колесова за то, что любезно согласился присоединиться к нашей поездке в аул Бжедугхабль.

³ *Бжедуги* — одна из адыгских (черкесских) групп, в настоящее время составляющая большую часть адыгейцев.

Литература

1. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А. Х. Абазов, Ю. Д. Анчабадзе, А. В. Кушхабиев, М. М. Паштова. М., 2022.
2. *Девтерова Л. И.* На перекрестке дорог. Майкоп, 2013.
3. *Климова К. А., Никитина И. О., Пелевинова М. В.* Особенности семейной обрядности греков России: родины, свадьба, похороны (по материалам этнолингвистических экспедиций 2022–2024 гг.) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. № 18 (1). 2024. С. 9–31.
4. *Кубашичева З. Ю.* Северо-западный Кавказ и адыги в системе международных отношений в начале XIX в. // Новые технологии. 2008. № 6. С. 84–86.
5. *Кузнецов И., Колесов В.* «Черкесские греки» — идентичность, культура, религия // Диаспоры: независимый научный журнал. 2002. № 1. С. 106–132.
6. *Лакунова Д. Р.* Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в. // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 2. С. 143–155. URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2023/07/10_lakunova.pdf.
7. *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.

Список информантов

АВД — муж., 1953 г.р.; зап. в Майкопе К. А. Климовой, И. О. Никитиной, М. В. Пелевиновой, 2025 г.

РД — муж., 1955 г.р.; зап. в ауле Бжедугхабль К. А. Климовой, И. О. Никитиной, М. В. Пелевиновой, 2025 г.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00484-П «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2025 г.

См. иллюстрации 2, 3 на 3-й странице обложки.

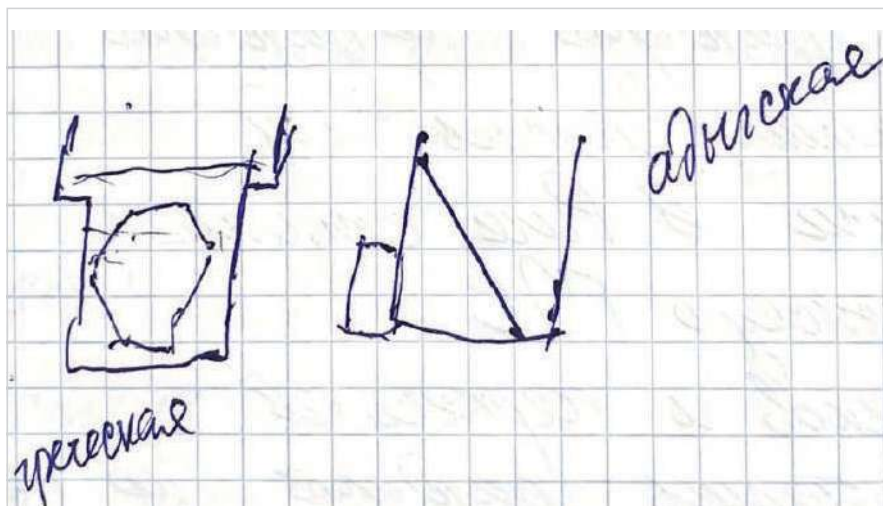

Рисунок информанта (РД) из аула Бжедугхабль. Слева — греческое захоронение, справа — адыгское. 2025 г.